

МП большинство других религиозных объединений не стремится занять её место, осознавая преобладание рисков над какими-то выгодами.

Я считаю, что наиболее социально полезным было бы осознанное и мужественное дистанцирование религиозных организаций России от всех возникающих соблазнов превращения в субъектов политического, идеологического, а то и хозяйственного влияния. Концентрация на вопросах религии вовсе не является первоочередной задачей общества. Более того, действительно решать болевые социальные проблемы силами религиозных организаций, во всяком случае – в современной России, невозможно.

В советские времена была такая идеологема, многие её помнят, — не выносить религиозный вопрос на место, ему не принадлежащее, т. е. на первенствующие позиции в зоне общественного внимания. Контекст, в котором она была сформулирована, ушёл в прошлое. А вот идея, очищенная от конъюнктурной экипировки, мне представляется продуктивной. Полагаю, что религиозный фактор, как бы его ни трактовать, может присутствовать в российской жизни только естественным образом, т. е. сообразно реальному положению религии в России и реальному уровню религиозности населения. Любое его искусственное стимулирование чревато дополнительными к уже имеющимся социальными осложнениями.

Н.С. Смолина

ЕДИНСТВО НАЦИИ В АСПЕКТЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблематизации единства нации сквозь призму понятия «коллективная идентичность». В работе представлены теоретические предпосылки взаимосвязи коллективной идентичности и целостности нации.

Abstract. Article devoted to problematization of national unity through the prism concept of «collective identity». The paper presents the theoretical background relationship of collective identity and integrity of nation.

Современный мультикультурный мир постепенно размывает содержание понятия «нация». «Нация» уже не воспринимается как категориальная рамка для описания целостности, объединенной территорией, языком, культурой и историей. На первый план выходят стратегии «воображения» нации как искусственной целостности. «Нация» превратилась в конструкцию, для властных

институций, это означает, что у конструкции может быть осмысленный проект или автор проекта. При этом нация воспринимается как социальный конструкт, существование подчиняется тем социальным агентам, которые участвуют своими усилиями в процессе «воображения». В этой логике поддержание целостности и единства нации требует постоянных усилий от различных социальных институций и социальных акторов. При этом границы нации как воображаемого сообщества не зависят от пространственно-временных границ конкретного государства.

Социально-философский вариант концептуализации «российского» и его целостности и единства может быть представлен в рамках проблематизации коллективной идентичности. Категория *«коллективная идентичность»* в состоянии зафиксировать современные социальные процессы: и незавершенность перехода от «советского» к «российскому», и приметы советской эпохи на постсоветском пространстве, и переходные формы социальной реальности.

Структура и содержание российской коллективной идентичности пока не получили должной интерпретации в социально-философском дискурсе; не существует отчетливых концепций и теорий на этот счет. Стоит отметить, что содержательная сторона российской коллективной идентичности стала предметом дискуссий, инициированных властью. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)"»), долгое время обсуждавшаяся общественными деятелями и представителями властных структур, появилась на волне интереса к наполнению конструкта «российская идентичность». Не случайно, одной из целей Федеральной целевой программы и является – формирование российской гражданской идентичности.

На наш взгляд, именно концепция коллективной идентичности в качестве методологического основания в настоящее время может обрести объяснительную функцию, направленную на характеристику современной российской социальной реальности и ее влияния на коллективную идентичность постсоветского человека.

Концепт «коллективная идентичность» – своего рода связующее звено между социальными изменениями и практиками, которые выступают механизмом, запускающим процесс воспроизводства социальной реальности, и

одновременно конституируют как персональную, так и коллективную идентичность человека.

Сегодня понятие «коллективная идентичность» в различных контекстах широко используется в психологии, социологии, философии и политической науке, социолингвистике и других областях гуманитарного знания. Само это понятие в силу своей междисциплинарности предполагает различные модели и способы описания сущности, структуры, механизмов процесса идентификации. Вместе с тем, в социально-гуманитарном дискурсе присутствует представление о категории «коллективная идентичность» как о «популярном» и «модном» инструменте исследования, что превращает этот концепт в категорию «каждодневного социального анализа», в то время как, с точки зрения некоторых философов, «содержательные характеристики становятся все более размытыми» [3, с. 142]. Неустойчивые трактовки понятия «коллективная идентичность» и постоянные уточнения концепта приводят, в конечном счете, к обесцениванию этой категории. Так, с точки зрения белорусского философа Г. Миненкова, «дискурс идентичности представляет собой достаточно амбивалентную, социально укорененную структуру, язык которой неоднозначен, мифологизирован и идеологизирован, что делает предельно сложной его адекватную интерпретацию» [5].

Коллективная идентичность представляет собой концепт, в основе которого лежат классические конструкты социально-философского знания, в частности, такие, как «коллективное сознание» Э. Дюркгейма, «классовое сознание» К. Маркса. Общее у этих концептов то, что ими охватывается некое «мы» сообщества и общие признаки, присущие его членам. В русле философии осмысление идентичности происходит в рамках проблемы тождества как характеристики бытия. Идентичность в философском ключе, цитируя Е.Г. Трубину, – это, прежде всего, «тождество личности, сознание личностью единства своего сознания в разное время и в разных местах» [7, с. 254].

Именно социологи первыми начали говорить о коллективной идентичности (которая в дальнейшем будет обозначаться и как национальная, и как этническая, и как культурная, и как социальная, и др.). В их работах мы находим понимание того факта, что «формирование идентичности предполагает такую степень интернализации традиций, обычаев и норм, когда действующий индивид уже не отделяет себя в определенном плане от группы, воспринимая нечто происходящее как имеющее отношение не к нему отдельному, а к определенному "мы"» [4, с. 265].

В современной динамичной, постоянно трансформирующейся социальной реальности речь должна идти о постоянном, непрерывном, никогда не заканчивающемся процессе идентификации (и на уровне субъекта, и на уровне сообщества в целом). Идентичность – это своеобразное отношение, результат процесса, в который индивиды вовлечены в ходе социальной адаптации, продукт социального взаимодействия индивидов и групп.

Коллективная идентичность – это комплекс значимых представлений индивида о себе, о других, именно эти представления опосредуют его действия в социальной реальности (и на групповом, и на индивидуальном уровне). Иными словами, коллективная идентичность как комплекс значимых представлений о некоем коллективном «Мы» всегда будет встроен в персональную идентичность, и коллективная идентичность всегда будет явлена миру социальными практиками.

Коллективная идентичность получает свою интерпретацию через понятие сообщества как «воображаемого». Сообщество воображает себя в определенных символических границах. Потому важным моментом становится анализ процесса маркирования и задания символических пределов, и в то же время сопоставления, соотнесения и различения сообществ, находящихся за пределами. В соотнесении с другими сообществами актуализируется собственная уникальность.

В рамках персональной идентичности другие люди важны для идентичности не только в силу создаваемых ими образов моей личности: с точки зрения В. Хесле, «я могу быть идентичен себе только в том случае, если являюсь индивидом, т. е. отличаюсь от других людей. В то же время я, будучи индивидом, жду признания себя со стороны других людей, что предполагает для сплочения общности необходимы недвусмысленные отличия между «такими же, как мы» и «другими». С точки зрения Е. Г. Трубиной, «все люди, которые располагаются на этой границе, соединяя в себе качества "нас" и "их" или препятствуя четкой квалификации либо в качестве "своего", либо в качестве "чужого", являются источником беспокойства: мы не знаем, как вести себя в их отношении, и мы не знаем, что о них думать, тогда как предсказуемость и прозрачность отношений, эмоциональный комфорт, который мы испытываем в "родной" группе, базируются на одном обстоятельстве: существуют "они", совсем не такие, как мы» [8, с. 108]. Границы сообщества без существования «другого» представить сложно. Фактически, группа существует только за счет

того, что существуют «они». Через противопоставление «другому» подчеркивается уникальность собственного сообщества.

Итак, процесс идентификации есть процесс различения, а утверждение различия – предпосылка существования всякой коллективной идентичности; чтобы понять и сформулировать, какие «мы», необходимо отличить «мы» от всех остальных. Отграничение от других групп, в том числе внешних, «является активной и постоянной частью формирования идентичности» [6, с. 40].

Коллективная идентичность дает характеристику индивида с точки зрения его принадлежности к сообществам разного рода, что определяет стиль жизни индивида. Признавая определенную группу своей, формируя тождественность с этой группой, индивид одновременно выбирает образ жизни, ценности и ансамбль практик.

Идентичность человека не может существовать вне социальной реальности и конструируется (формируется) на фоне других. Коллективная идентичность, несомненно, присутствующая в индивидуальном опыте каждого человека, не сводима лишь к нему и закреплена в иных формах, надындивидуальных по своей сути. С нашей точки зрения, это коллективные практики. С одной стороны, коллективная идентичность представляет собой все то, что члены данного сообщества считают общим для них и потому коллективная идентичность воображаема: люди «воображают» целостность, приписывая сообществу некий набор целей, символов, ценностей и т. д. И в этом смысле коллективную идентичность можно назвать проектом самоопределения коллективного «Мы», в результате которого совокупность разрозненных индивидов превращается в сообщество, по словам И. Тимофеева, «сплоченное общим проектом, целями и ценностями» [6, с. 14]. С другой стороны, признание социальной группы «своей», присоединение человека к коллективному «Мы», влечет за собой и нерелефлексированное и неартикулируемое присвоение практик. Иными словами, коллективная идентичность – это не только картина мира, включающая представления группы о самой себе и о других группах, это и коллективные действия и практики, принятые в рамках сообщества и отражающие социальную онтологию сообщества.

Сообщество существует лишь постольку, поскольку участвующие в нем люди воспринимают себя именно в качестве его членов. С точки зрения социальной философии, в современном процессе воображения общности задействованы дискурсивные практики, создающие символическое поле воображаемо-

го сообщества. Воображение создает целостное сообщество, опосредует и обосновывает коллективную связь. Целостность сообщества поддерживается непрерывным воображением и действиями, актуализируемыми и направляемыми воображением. Чтобы некой группе быть сообществом, должно подключиться нечто воображаемое. Механизмы воображения позволяют создать целостные сообщества, которые, с точки зрения Б. Андерсона, «больше не ограничиваются территориями, входящими в уже существующие национальные государства» [1, с. 71]. Анализируя социальные механизмы образования общностей, рассредоточенных на большом пространстве, Б. Андерсон выявляет те, что позволяют унифицировать представления о пространстве и времени, на основании которых возможно воображаемое сообщество. К таким механизмам исследователь относит печать, перепись населения, картографирование пространства, музеификацию прошлого: «в формирование этого воображения внесли свой взаимосвязанный вклад абстрактная квантификация/сериализация людей, осуществленная переписью, постепенная логотипизация политического пространства, осуществленная картой, "экуменическая", профанная генеалогизация, осуществленная музеем» [1, с. 24].

Еще одним механизмом воображения является язык, опосредующий процесс единения сообщества. По словам С. Баньковской, анализирующей исследования Б. Андерсона, «язык делает прошлое переживаемым в настоящем, прошлое и настоящее сливаются в одновременности... эта одновременность фиксируется актуальным озвучением (написанием и прочтением) символических форм, тем самым осуществляя в этой непрерывности реальность существования воображаемого сообщества» [2, с. 15].

Примером воображаемого сообщества может служить нация. С точки зрения Б. Андерсона, нация – это «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное... оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [1, с. 31]. Оформление границ конституируется через выстраивание отношений «Я – Другой» («свой – чужой»).

Таким образом, сообщество (в том числе советское, постсоветское или российское общество) является воображаемым. Посредством этого механизма создается целостное единство воображаемых значений, в рамках которых общест-

во, по наблюдению И. Тимофеева, «задает свою структуру, представление об окружающем мире, свое отношение к нему, свои потребности и желания, дает ответы на вопросы: "кто мы есть как коллектив?", "чем мы являемся друг для друга?", "к чему мы стремимся?"» [6, с. 32]; определяя свою идентичность, социум «воображает себя в качестве уникальной духовной целостности» [6, с. 32].

В конечном итоге, концепт «коллективная идентичность» в современной российской социальной философии актуализируется в связи с происходящими трансформациями в социальной реальности. В этом случае его методологическая функция в том, чтобы описать происходящие изменения. Коллективную идентичность при этом стоит понимать как символическое пространство значений, поддерживающих целостность сообщества за счет дискурсивных и коллективных практик, актуализации символов и значений прошлого и маркирования символических границ сообщества. Целостность сообщества «россияне», таким образом, может быть рассмотрена через процессы конструирования коллективности идентичности постсоветского человека.

Литература

1. Борисова, О. А. Ускользящая идентичность или анализ категории «идентичность» в рамках структурно-конструктивистского подхода // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 3.
2. Миненков, Г. Концепт идентичности: перспективы определения [Электронный ресурс] / Г. Миненков. – Режим доступа: <http://www.belintellectuals.eu/discussions/?id=74>
3. Трубина, Е. Г. Идентичность персональная / Е. Г. Трубина // Современный философский словарь. – М., 2004.
4. Гудков, Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Д. Гудков. – М. : Новое литературное обозрение ; ВЦИОМ-А, 2004. – 816 с.
5. Трубина, Е. Г. Социальная антропология / Е. Г. Трубина. – Екатеринбург, 2003.
6. Тимофеев, И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / И. Н. Тимофеев. – М., 2008.
7. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
8. Баньковская, С. Воображаемые сообщества как социологический феномен / С. Баньковская // Андерсен, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.